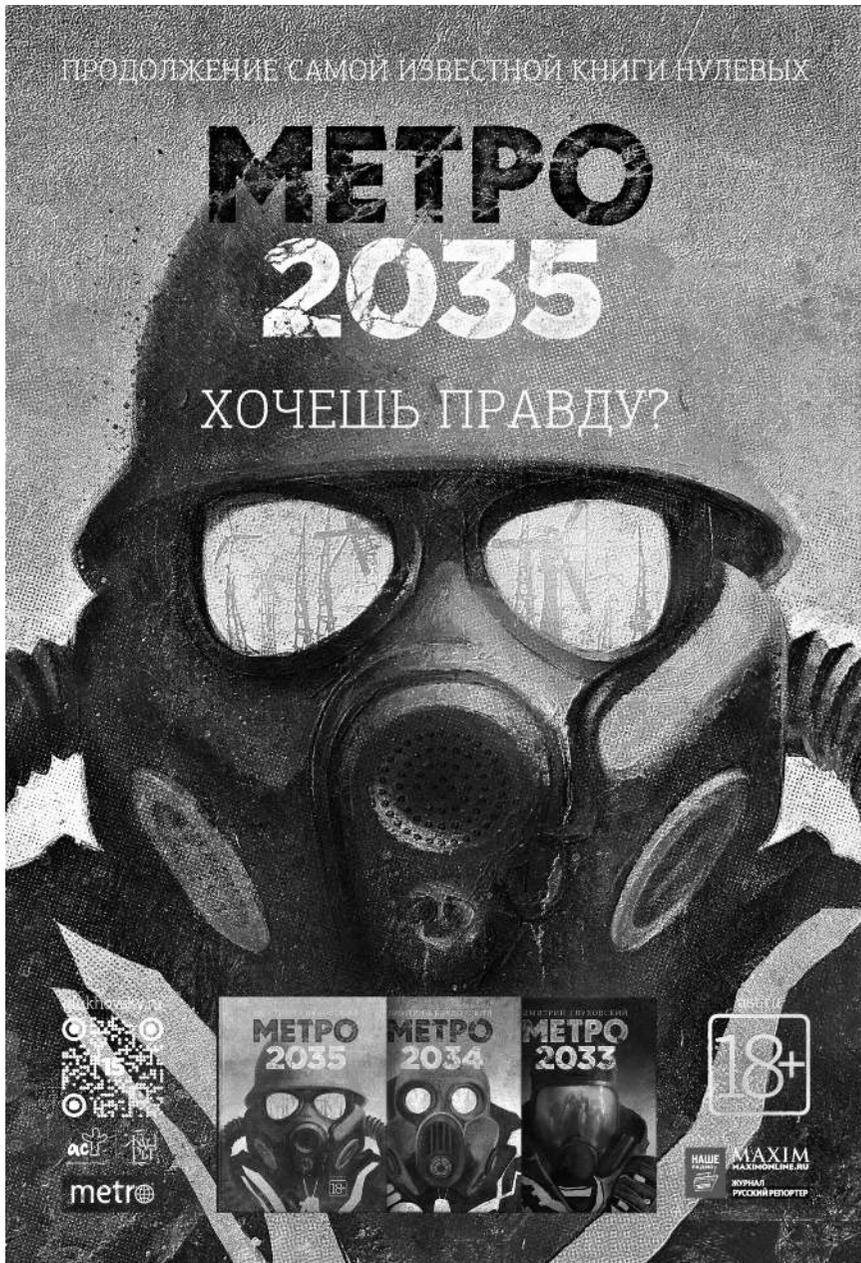

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

ПРОДОЛЖЕНИЕ САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ НУЛЕВЫХ

МЕТРО 2035

ХОЧЕШЬ ПРАВДУ?

Книжки

АСИ

metro

18+

НАШЕ
MAXIM
MAXIMONLINE.RU
ЖУРНАЛ
РУССКИЙ РЕСТОРАН

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

ЮРИЙ УЛЕНГОВ

**МЕТРО 2033:
ГРАНЬ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У47

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — *Дмитрий Глуховский*
Главный редактор проекта — *Вячеслав Бакулин*
Оформление обложки — *Илья Яцкевич*
Карта — *Леонид Добкач, Илья Волков*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Уленгов, Юрий Александрович.

У47 Метро 2033: Грань человечности : [фантастический роман] /
Юрий Уленгов. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. —
(Вселенная Метро 2033).

ISBN 978-5-17-097913-4

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Сквозь снег и мороз, через постъядерную тайгу и безмолвные, пустующие города. По снегу и льду Байкала туда, куда влечет тебя собственное безумие. В Иркутск. Пройти по краю, постоянно балансируя на тонкой грани человечности. Переступить ее, когда нужно быть зверем, — чтобы победить тех, кто давно перестал быть людьми. Взять верх над природой, врагами и самим собой. Чтобы выжить. Чтобы спасти тех, в чьем существовании не уверен. Чтобы понять: осталось ли в тебе самое что-то от человека — или зверь, проснувшийся семнадцать лет назад, — безраздельный хозяин твоего сознания.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097913-4

© Д. А. Глуховский, 2016
© Ю. А. Уленгов, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ПУШИСТЫЙ ЗВЕРЕК С ЧЕРНЫМ МЕХОМ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА ВЯЧЕСЛАВА БАКУЛИНА

Нет, что ни говорите, дражайшие выжившие, а жизнь у меня веселая и богатая на интересных людей. Вот, к примеру, недавно зашел у меня разговор с одним автором нашей серии. Назовем его, к примеру, Икс. И вот говорит мне тот автор Икс с не то чтоб даже обидой, но — с укоризной голосе:

— Что ж ты меня обманул? Сулил ведь, что книга автора Игрек — боевик. А она что?

— Что? — спрашиваю я, холодея конечностями. Уж больно строг бывает автор Икс. Как посмотрит — хоть сквозь землю провались до тех самых глубин, которые Руслан Мельников описывал. Да и вообще, обманывать людей плохо. Особенно — авторов. Это я сам, как автор, знаю не понаслышке, и оттого мне еще больше неуютно делается.

— Чернуха!

Тут я, на всякий случай изобразив лицом скорбь и смирение, принялся лихорадочно размышлять. Знаю триллер. Знаю нуар. Знаю dark fantasy. Знаю, что самый «мясной» вид хоррора именуется слэшером. И даже Чак Паланика читал (помимо всего прочего). Но вот «чернуха»... Что за странный зверь такой? Особенно применительно ко «Вселенной», где, вообще-то, с агнцами нежными, кудрявыми большие напряги. Все больше козлищи, а нет — так пушистые зверьки с ценным мехом. Постап все-таки, понимать надо.

В общем, так ничего путного я и не придумал, а принятое впопыхах выражение лица мне совершенно не шло. Делать нечего, пришлось обратиться за разъяснениями к автору.

Оказалось, что это (в представлении автора Икс, разумеется, но не только его, судя по всему) практически постап-панк. То есть постап грубый, жестокий, наполненный массовыми изуверскими убийствами, пытками, изнасилованиями, каннибализмом и еще бог знает чем. А главное — «безо всего этого вполне можно обойтись», «нас же дети читают», «зачем смаковать гадости» и тэ дэ и тыр-пыр.

Тут я призадумался во второй раз. Вроде, прав автор Икс. Читают дети, никуда не денешься. Хоть и маркируются книги серии «16+», а все равно

тянут ручонки. Что греха таить, моя четырнадцатилетняя дочь еще года три назад утверждала, что часть одноклассников Глуховского читали, и слегка обижалась, когда я ей книжки не давал. Опять же, можно без всего перечисленного написать роман? Можно. Автор Икс — пишет, автор Зет — пишет, и даже какой-нибудь Омикрон пишет тоже.

А вот другие: Туллио Аволедо, например, или Дмитрий Манасыпов, или наш сегодняшний герой Юрий Уленгов — пишут по-другому.

Как там в неувядающем шедевре-то было: «Вы посмотрели драму “Пиф-паф!” Охотник и заяц — кто прав, кто не прав?»

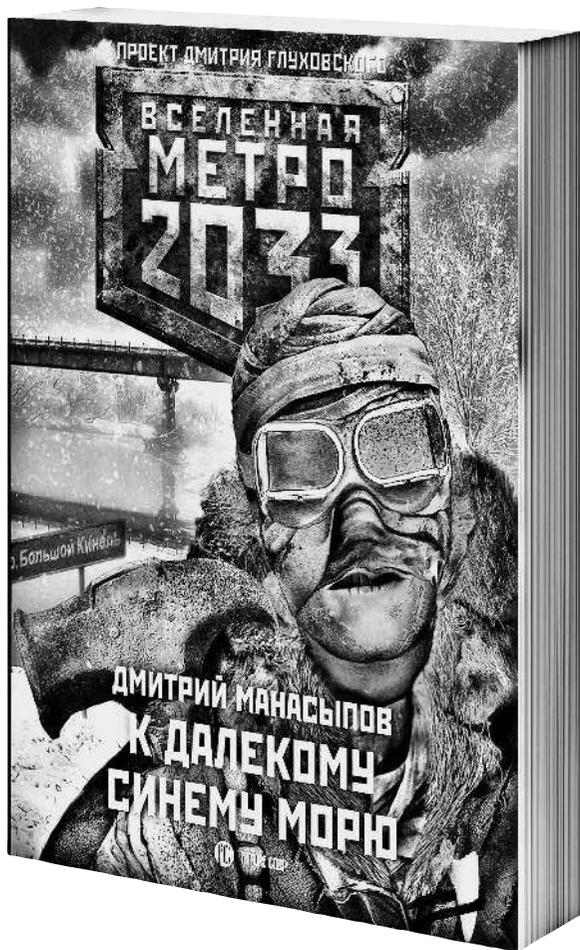
Нет у меня ответа на этот вопрос. И не будет. Потому что права в первую очередь литературная достоверность и великий триумvirат «идея — тема — конфликт». Потом — читательский адрес (хотя я все-таки категорически против того, чтобы делать из чего-то версию «софт» только на основании того, что им могут воспользоваться дети, для которых оно не предназначено. Давайте уж тогда и половину сетевого контента запретим, потому как дети ж могут увидеть, ай-яй-яй! И ведь есть таки инициативы от иных депутатов, есть.) Ну и жанровые своеобразия романа постапокалиптического, куда ж от них деваться. И если смог ты, автор, зацепить аудиторию и не пойти против себя, оперируя лишь средствами «не чернушными», не допустил, чтобы белый мех ценного пушного зверька потемнел — честь тебе и хвала. Но в нашей песочнице, как и везде, по-прежнему актуально правило «На вкус и цвет все фломастеры разные». Литературно выражаясь: «Не суди, да не судим будешь».

Справедливости ради должен добавить: автора «Грани человечности» я как раз просил немного снизить градус насилия и натурализма в тексте. О чем, кстати, он честно сообщил в послесловии, если вы привыкли читать книги от начала до конца и еще до одного не добрались. И так же честно признал, что где-то, с его точки зрения, текст от того выиграл, а где-то — проиграл. Спорить не буду, скорее всего так и есть. Но, помимо соблюдения разницы в рейтингах «16+» и «18+», — а она таки есть, — мною двигала уверенность, что за умело выставленным многоточием может скрываться такой ужас, который вряд ли адекватно выразишь буквами.

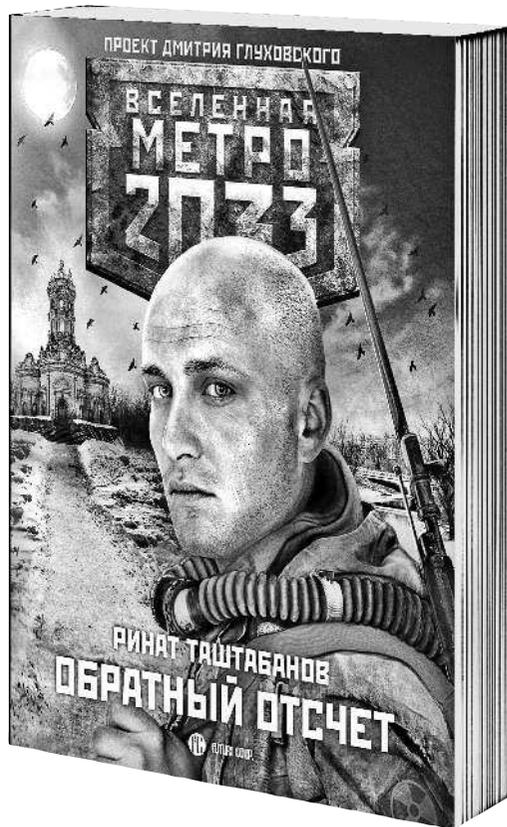
«Что ты знаешь о боли?» — спрашивает у пленного отморозка, убившего его семью, герой Уленгова. Бывший хирург, у которого есть нож. И всё. И звенящая тишина. И дикий крик, слышимый только автору и читателю.

Разному автору и разному читателю. В этом-то вся шутка. В этом-то вся прелесть.

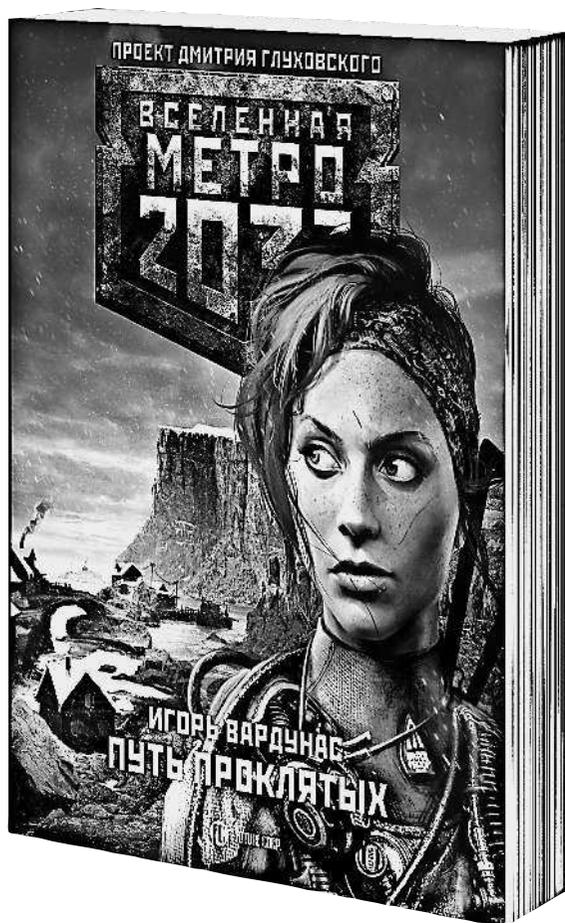
А вы говорите — песок...

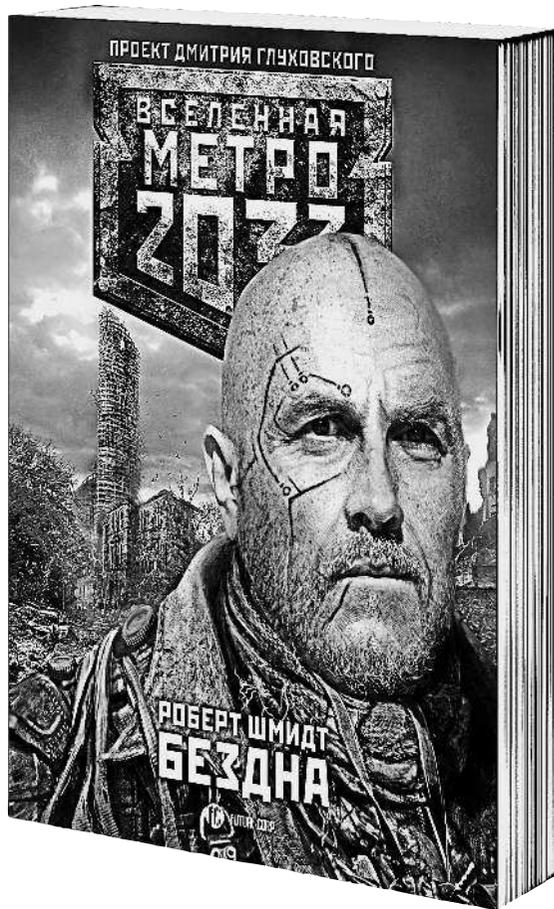
Идя дорогой стали, он встал на тропу смерти, но, не пройдя и шага, нашел надежду. Новую надежду и новый путь. Опасный, сложный путь, ведущий к тем, дорожке кого просто нет. Туда, где он так давно не был. К далекому синему морю. Но для того чтобы пройти этот путь до конца, ему придется сперва разобраться с прошлым. Ведь оно, подобно затаившейся змее, может в самый неожиданный момент нанести смертельный удар...

Он давно забыл свое прежнее имя, зато привык смотреть на людей через снайперский прицел. Вокруг него — мир, сгоревший в огне. В его сердце бушует ад. Чтобы обрести себя, ему пришлось потерять все. Вера помогла ему выжить. Жажда мести определила его дальнейший путь. Теперь только от него зависит, кому жить, а кому умирать. Он знает, что за все придется платить, и смерть идет за ним по пятам. Но сможет ли он, заглянув в бездну и испив горькую чашу судьбы до дна, получить искупление? Этого не знает никто. Ведь предание гласит: когда оковы цивилизации падут и обнажится звериный оскал человека, время повернется вспять и начнется обратный отсчет...

Многие надежды оказались разбиты, многие стремления были напрасны. Быстро меняющийся мир жесток к тем, кто когда-то самонадеянно считал себя его повелителями. Но где-то там, за горизонтом, остался родной дом, который посылает мольбы о помощи. А значит, Лерке Степановой и команде атомохода «Иван Грозный» пора отправляться в очередное плавание, полное новых открытий и опасностей. Ведь каждый путь, сколь бы долгим он ни был, однажды должен завершиться. Пусть даже кто-то назовет его путем проклятых.

Имя, данное ему при рождении, он забыл. Имя, под которым он был известен когда-то, лучше не вспоминать. Ныне его знают как Учителя. В мире, где больше нет места любви, жалости, искренности — ничему человеческому, он старается жить по-людски. Читить справедливый кодекс анклава, воспитывать сына, заниматься с детьми в школе. Иногда приходят страшные воспоминания, но ненадолго. И все же наступает время, когда темное прошлое, которое он так хотел забыть и искупить, снова требует крови. И он бежит по грязным подземным тоннелям и зараженным улицам Вроцлава. Но разве от прошлого убежишь?..

ГЛАВА I

БЕСКОНЕЧНОЕ ОДИНОЧЕСТВО

— Что же ты так, паря? Ну чего ты дергался? А?

Он закончил зашнуровывать почти неношенные берцы. Пылились, видать, где-то на складе, пока их этому охламону не выдали. Неприязненно взглянув на лежащий рядом труп, вздохнул, опер ружье о ствол поваленного дерева и присел на замшелый пенёк. Достав из-под поеденного молью тулупа кисет и обрывок газеты, начал неторопливо сворачивать самокрутку.

С куревом давно уже было туго, впрочем, как и со всем остальным. Особенно тяжело оказалось с обувью. На его лапищу так и вообще не сыскать. Вот, сегодня подвезло...

Правда, патронов почти не осталось, а переснаряжать стреляные гильзы практически нечем. Сегодня еще один потратить пришлось. Говорил же, снимай по-хорошему обувку, нет, надо было ерепениться. Снял бы, глядишь, и живым бы остался.

Еще раз тяжело вздохнув, он прикурил получившуюся «козью ножку» и, глубоко затянувшись, гулко закашлялся.

Нагнувшись, он подтянул к себе вещмешок, ранее принадлежавший солдатику, «одарившему» его новой обувкой. Распустил тесемки и приступил к инспекции содержимого.

Так, запасные портянки и теплое белье, хорошо. Запасливым солдатик был. Консервы. Две банки. Тушенка. Он оценивающе покрутил жестянки и, сплюнув, запустил их в сугроб, одну за одной. В них и раньше

гадость одну совали, а во что они теперь превратились — одному Богу известно. Нет уж, увольте.

На дне мешка что-то глухо стукнуло. Он запустил руку глубже и извлек на свет помятую алюминиевую флягу. Отвернув крышку, понюхал, и его широкое, давно не знавшее бритвы лицо озарила широкая улыбка.

— О! Вот это дело! Ну, упокой, Господи, душу твою грешную!

Посмотрев на тело, он широко перекрестился и сделал большой, жадный глоток из фляги. Склонил голову набок, прислушиваясь к ощущениям. Алкоголь пробирал до самых внутренностей. Он передернул плечами.

— Ух! Хороша чертовка!

Затянувшись так, что аж обожгло губы, выбросил окурочек и стал собираться. Долго прилаживал снегоступы к обновке, вздыхая и с тоской поглядывая на свои старые валенки. Нет, не починить уже, прохудились совсем. Покачивая головой в такт каким-то мыслям, переложил содержимое своего латаного-перелатаного мешка в новый, солдатский, и затащил тесемки.

Солдатики стали появляться в его краях недавно. Сидели, видать, где-то в бункере законсервированном. Раньше их много было по всей стране, таких вот затерянных в глуши полузабытых воинских частей. Но то было раньше, а теперь и страны-то той нет. Вообще ничего нет. Есть его бревенчатая изба и заснеженный лес, простирающийся на сотни километров. И Даринка еще есть. И Анечка...

А солдатики, видать, из срочников бывших. По крайней мере, те, кого он видел. Сколько им лет было, когда все началось? Восемнадцать? Девятнадцать? А сколько лет назад Срань случилась? Пятнадцать или двадцать? Он уже давно перестал следить за ходом времени. Наступил новый день, ну и ладно, и хорошо. Какой смысл считать? И как? Зарубки ставить? Раньше ставил, потом стал забывать. Какая разница? Чтобы знать, когда затяжная зима сменится короткой весной и еще более коротким летом, которое резко, без осени, перейдет обратно в зиму? Зачем?

В очередной раз вздохнув, он перекинул ремень ружья через плечо, поправил вещмешок на спине (надо же! до сих пор новьем пахнет!) и ухватил тело за ногу. Хлипкий солдатский полушубок уже успел пропитаться кровью. Надо бы подальше утащить, на запах обязательно твари припрутся, а до его избы не так уж и далеко.

Снег весело хрустел под снегоступами, тело, которое он волочил за собой, давно перестало оставлять кровавый след. Замерзла кровушка, на таком морозе-то! Сам он к холоду давно привык, еще до Срани... В лагере и холоднее бывало, особенно в конце трудового дня, если буржуйка в бараке прогорала. И одиночества он давно уже не чувствует. Тем более, что у него Аня есть. И Даринка.

* * *

Угрюмым и нелюдимым он был с рождения, а срок, полученный им, если вдуматься, за дело, сделал его еще более замкнутым.

Когда-то давно, еще в той, прошлой жизни, Захар должен был стать врачом. Хирургом. И весьма неплохим, как говорили врачи отделения, в котором он проходил интернатуру. Задатки, говорят, были у него. Да все было, если рассудить. И дом, от матери покойной в наследство доставшийся, и машина, кредит за которую выплатил как раз незадолго. Семьи только не было, да он к ее созданию особо и не стремился. Рано было еще. И работу он свою будущую любил очень. И прочили студенту большое будущее. До тех пор, пока он не зарезал пациента на столе. Случайно. Рука дернулась.

У медсестрички из их отделения день рождения был, вот они и усугубили на дежурстве. Хирург — так вообще в дрова. А тут парня привезли. Тяжелого. Ну и...

Времени на то, чтобы вызывать кого-то из врачей, не было — дошел бы парень. И Захар вызвался оперировать самостоятельно. Не вышло. Слишком мало опыта.

На суде Захар ничего не отрицал и всецело признал свою вину. Было же? Было. Так чего отпираться-то? Ну, и поехал в край вечного холода. Лес валить.

В лагере «лепилу» уважали. Человек интеллигентный, тихий. И задирать его опасались. Ну-ка, медведь такой! Да и повода не давал. Работал, как все, если не лучше, не встречал никуда. Мужик, одним словом.

По окончании срока Захар не стал возвращаться в родной город. Зачем? Работы по специальности ему не видать, а улицы мести не хочется. И людей тоже не хочется видеть. И он остался здесь. Смог устроиться лесничим в частный заказник. Домой съездил на неделю, продал дом и машину, расширил и благоустроил лесничью избушку, превратив ее

в настоящие хоромы, прикупил снегоход. Хороший. Японский. Нужды ни в чем не испытывал, если нужно было — гонял, поднимая тучи снежной пыли на своей «Ямахе» в городок, за восемьдесят километров. Летом — на старом, на ладан дышащем «Урале» с коляской за припасами мотался. Там с Анной и встретился. Случайно совсем.

Всегда в одиночестве комфортнее было, а тут вдруг что-то защемило. Среди людей оказаться захотелось. Вот и занесло его в кинотеатр. Не глядя на название фильма, купил билет и с комфортом устроился в полутемном зале. Самое смешное, крутили какую-то драму о жизни врачей. Хирургов. Он смотрел и посмеивался, а впечатлительная молодая женщина на соседнем кресле все время крутилась, охала и, кажется, даже всплакнула. Не выдержав, он нагнулся к ней и посоветовал не принимать картину близко к сердцу, на что она удивленно захлопала длинными ресницами.

— Как не воспринимать?! Ведь как в жизни все!

И, глядя в ее красивые глаза, он вдруг, удивляясь сам себе, предложил:

— А хотите, я вам расскажу, как оно, в жизни-то?

Через два месяца Анна стала его женой. Ее не смущало ни его прошлое, ни настоящее. Ей даже понравилось в избе, в глуши, среди тайги. В его жизни появился смысл, и он сам удивлялся происходящим с ним переменам. Ощущение, что его ждут дома, было новым, приятным и каким-то... теплым, что ли? Оказывается, нужно было прожить полжизни, чтобы наконец обрести простое человеческое счастье.

А еще через полгода пришла Срань.

Захар врал себе. Он четко помнил, сколько времени прошло с того момента, когда привычный мир перестал существовать. Двадцать лет. Двадцать холодных, страшных лет. Полжизни, практически. Когда вдали загудело, загрохотало, он решил, что гроза идет. А когда неожиданно яркая вспышка озарила небосклон и окрестности, сердце его екнуло. Бросив синок, который поставил вчера на заячьей тропе, он со всех ног рванул к Плешивому холму. Захар не знал, откуда посреди тайги возник этот холм, на котором не росло ни одного деревца, лишь редкие кустики покрывали его поверхность. Да и не интересовался никогда. Знал лишь, что с его вершины очень удобно любоваться закатом. Казалось, вся бескрайняя тайга была как на ладони. К тому моменту, когда,

задыхаясь от бега, он поднялся на вершину Плешивого, свечение уже угасло, и даже как будто стало темнее. Тем не менее, огромный дымный гриб на горизонте было видно отчетливо. Не веря своим глазам, он все стоял и смотрел, когда вспышка снова озарила небо. На этот раз свет пришел с другой стороны, и явно издалека, потому как и время, и интенсивность свечения были гораздо меньше, чем в прошлый раз. Вслед за вспышкой прикатились далекие раскаты грома.

— Не может быть... — прошептал Захар. Зябко пожившись, он поднял рюкзак и поспешил домой.

Пока добирался до заимки, вдаль сверкало и грохотало еще несколько раз. Теперь явно уж очень далеко. Захар гнал от себя нехорошие мысли, но умом понимал, ЧТО может так сверкать и грохотать.

Анна встретила его на крыльце.

— Ты это слышал?

— И слышал, и видел тоже, — буркнул под нос Захар.

— Захарушка, что это? Это же...

— Я думаю, это война, — произнес он и, обняв жену за плечи, увлек ее в дом.

Всю ночь дул сильный ветер, деревья гнулись и трещали. Захар лежал под одеялом с открытыми глазами, обнимал жену и молился, чтобы радиоактивное облако пронесло мимо. После увиденного он уже не сомневался — это были именно взрывы, однако в глубине души надеялся, что ошибается. По часам уже должно было наступить утро, но светлее на улице не становилось. Обуреваемый самыми мрачными предчувствиями, он мечтал только об одном: чтобы все происходящее оказалось дурным сном.

Через неделю он наконец решил поехать, посмотреть на город. Все это время он не выходил из дому и не выпускал Анну. Хорошо, что за несколько дней до... Он не знал, как это назвать, в общем, до всей этой срани, он ездил в город, за припасами. Гараж был наполовину заполнен колотыми дровами, а помимо основного бака солярки для генератора, он всегда держал в запасе еще два.

Светлее за это время не стало. На тайгу опустились густые сумерки. Да еще и снега навалило — мама дорогая. И это в июле-то! Вспомнив о последствиях ядерного взрыва все, что осело в памяти еще с армии и инструктажей по гражданской обороне, проводимых в институте,